

само по себе очень интересно и важно с «деловой» точки зрения, но что лежит за пределами «литературы», вне ее. В повести о смерти князя Михаила Скопина-Шуйского есть интересное место: «...преставился князь Михайло Васильевич. Тогда убо стекаются ко двору его множество войска, дружины и подручия его хоробраго и множества народа, по писанному: юноша с девы и старцы со юнотами и матери со младенцы, и всяк возраст человек со слезами и с великим рыданием» (Русская историческая библиотека, XIII, стр. 1336). Здесь автор повести сознательно предпочел «правдивости деталей» рассказ «по писанному», как более художественно убедительную форму изложения. Так дело обстояло еще в первой половине XVII века, так несомненно было и раньше: эстетическую ценность тот или иной рассказ приобретал только в том случае, когда велся «по писанному», т. е. не отступал от принятого в том или ином жанре литературного обряда. Доказательством того, что в древнерусской литературе «правдивость деталей» еще не осознавалась как эстетический принцип, может служить и тот факт, что эта реалистическая «правдивость деталей» могла мирно сосуществовать и уживаться рядом с «условностью» даже в рамках одного и того же повествовательного ряда, на одной и той же плоскости, временами нарушая эту «условность», но никогда не отрицая ее.

«Правдивость деталей», по моим наблюдениям, впервые начинает у нас приобретать, помимо познавательной, еще и ценность эстетическую не ранее второй половины XVII века — в демократической литературе, в сатире и наиболее ярко в писаниях протопопа Аввакума. С этого времени, а не раньше, и можно, на мой взгляд, говорить о предпосылках реализма, о его предвестниках в литературе древнерусской. Древнерусская литература до этого периода — литература дореалистическая, что, однако, ни в какой степени не снижает и не может снизить ни ее исторического значения, ни художественного.

Могут задать вопрос: разве нельзя судить об искусстве прошлого с точки зрения представлений о прекрасном сегодняшнего дня, отмечать в произведениях прошлого то, что, с точки зрения этих представлений, кажется нам наиболее ценным в них и значительным? Конечно, можно. Это наше право — право людей XX столетия, для которых художественное наследие прошлого живо и по сегодня. Но я не уверен, что историк искусства может злоупотреблять этим правом, что он может не считаться с эстетическими нормами той эпохи, которую изучает, не учитывать художественной специфики произведений далекого прошлого, в силу своей художественной специфики для нашего современного эстетического сознания подчас «странных» и несколько «загадочных». На практике злоупотребление этим правом может привести историка к отрицанию движения в развитии искусства, к отрицанию прогресса в художественном познании действительности.

— — —